

Перли-Рыкова Наталья Алексеевна

Перли-Рыкова, Н. А. Рассказы, записанные в разные годы Т.И. Шмидт / Перли-Рыкова Наталья Алексеевна; – Текст : непосредственный.

Из рассказов Натальи Алексеевны (до 1994 года)

В январе 1924 года у Алексея Ивановича был инфаркт, ещё 20 января его на простынях опускали в ванну, и поэтому 21 января он в Горки не ездил. Но на следующий день он, сам открывши дверь своей комнаты, предстал перед домашними в теплых сапогах – поехал в Горки... Через несколько дней после смерти Ленина Алексей Иванович был назначен Председателем Совнаркома и 7 лет оставался на этом посту. (В 1930 г. Алексей Иванович был назначен Наркомом связи. Привез домой машину спецлитературы для изучения нового для него дела).

Через несколько месяцев после смерти Ленина его послали на поправку в Италию, где они с женой Ниной Семёновной пробыли около 4 месяцев, инкогнито. При них находился один человек и один человек – сопровождающий от итальянской компартии, бывший им и переводчиком, и гидом, – это был архитектор Борис Михайлович Иофан. Рыковы были влюблены в него, шутливо называли его «барокко»...

Дружба их продолжалась и после переезда Иофана в Советский Союз. Сначала приехал он, потом его жена Ольга Фабрициевна, потом её дети Ольгетта и Джон. Переезд этот длился 3-4 года. Дети не бывали у Рыковых, а Иофаны бывали и в Кремле, и на даче, со своим двойным, перевертывающимся кофейником, варили свои любимые макароны, подававшие с тертым сыром, – «пасташутто».

Из рассказов 3 мая 1990 г.

Первый, деревянный, мавзолей был сооружен как временный, чтобы продлить прощание с Лениным.

Пасха. Пионеры выкрикивают что-то типа: «У попа была собака...». Алексей Иванович говорил о глупости этого. На Пасху всю ночь во дворе школы, рядом с церковью, ребята сканировали «безбожные» лозунги. Когда Наташа рассказала об этом отцу, Алексей Иванович очень помрачнел и сказал, что они добились этим только озлобления беспричинно оскорбленных людей.

Зимой на выходные Рыковы ездили на «Морозовскую дачу» в подмосковный дом отдыха Морозовка. Летом проводили отпуск

в Мухалатке в Крыму (правительственный санаторий), где в неприкосновенности сохранился огромный дом Кокорева, когда-то крупного акционера российских железных дорог.

Из рассказов 1989 г.

В начале 1989 года Н.А. рассказывала, что наш дом (*“Дом на набережной” - Т.Ш.*) должен был по мысли его создателей стать розовым – его должны были обклеить розово-красной гранитной крошкой. Но А.И. Рыков, Председатель СНК, не подписал смету, сказав, что это будет очень дорого.

Из рассказов Натальи Алексеевны (до 1994 года):

Наталья Алексеевна была у Иофанов в Доме на набережной только один раз. Как-то зазвонил телефон, подошёл отец. «Поедем к Б.М.», - позвал он с собой дочь. Н.А. запомнила большой кабинет-мастерскую Бориса Михайловича, с многочисленными окнами. Сам Б.М. почти плакал – только что пришёл от Сталина, который требовал, чтобы проектируемый Борисом Михайловичем в то время Дворец Советов был бы самым высоким зданием в мире, выше Эйфелевой башни (м.б., выше Imperial Building в Нью-Йорке. – Т.Ш.), и предлагал для этого вытянуть статую Ленина, венчающую Дворец, что, по мнению Б.М., нарушило бы все пропорции.

До Дома на набережной Иофан жил в одном из им же построенных домов на Русаковской улице, 63(?). На улице стояли красные кирпичные дома. В домах были лоджии над подъездами. Кроме Иофанов, жила также в доме семья Ф.С. Маршака, дяди Н.А., отца её двоюродных братьев С.Ф. Маршака и М.Ф. Шатрова. В квартире было 2 комнаты, узкая кухня; уборная, раковина и душ находились в одном помещении.

Знакомство с Иофанам было чисто «домашним», милым. В архиве Иофана, говорят, сохранялся портрет Алексея Ивановича – лучший, по словам Натальи Алексеевны, портрет Рыкова. После реабилитации и возвращения в Москву, уже где-то в 1960-х годах, Наталья Алексеевна столкнулась с Борисом Михайловичем в Кремлёвской больнице, где он тогда лежал и куда она пришла навестить Наталью Петровну Герцен (внучка А.И. Герцена, жена Олега Сергеевича Федынского, опекуном которого после смерти его отца был Алексей Иванович), к которой и подошёл Борис Михайлович. Встреча была мгновенной, т.к. почти тут же пришла Ольга Борисовна (Ольгетта), и Борис Михайлович ушёл. О возвращении же Натальи Алексеевны Иофаны знали от Маршаков – родственников Натальи Алексеевны с материнской стороны.

Во время войны Джон, сын Ольги Фабрициевны, летчик, прилетал на Воркуту и искал Наталью Алексеевну, но не нашёл. Впоследствии он погиб.

Из рассказов Натальи Алексеевны (до 1994 года):

Когда началась травля Рыкова в печати осенью 1936 года, все стали его сторониться. Наталья Алексеевна запомнила случай в театре. Уже гас свет, когда в первые ряды стали проходить члены Правительства. От них отделился Орджоникидзе, подошёл к Рыковым, обнял Наталью за плечи, поздоровался со всей семьей. В то время это рассматривалось как вызов.

Семья Рыковых переехала из Кремля в Дом на набережной в квартиру № 18 во второй половине октября или начале ноября 1936 года. Раньше Наталья Алексеевна бывала в этом доме у Лепешинских (с их приемной дочерью Бирой училась в одном классе в МОПШКе), Збарских, Егоровых (Н.Г. Егоров – начальник школы в Кремле, комбриг), Бориса Краевского, Ногиных, Шверников. Говорили, что на одной площадке с ними в квартире 19 живёт Куусинен, но его Рыковы никогда не видели.

18 февраля 1937 года пришла утром домработница, сказала, что центр перекрыт, вывешены траурные флаги, – очевидно, умер кто-то из Правительства. Родители удивились – вроде вчера все были живы-здоровы. Наташа пошла за газетой и вернулась с известием, что умер Орджоникидзе. Мама тут же упала. Инсульт. А через два дня должен был начаться очередной пленум ЦК, с вопросом о Рыкове и Бухарине. Орджоникидзе был для семьи единственной надеждой.

Алексей Иванович вышел из квартиры в последний раз 27 февраля 1937 года и не вернулся. Уже с сентября он не работал, только ездил на заседания Пленума ЦК. А тут прислали машину, привезли отца. Он прошел к себе, ничего не говоря. Нина Семеновна в это время лежала в инсульте, попросила Наташу позвонить Поскребышеву. Тот ответил, что отец не нужен: «Я тебе позвоню». Позвонил поздно: «Послал машину, провожай отца». Проводила. Вечером они его так и не дождались, вместо него явились люди из НКВД с обыском.

6 июня 1937 года двое пришли за мамой и увели её. В ордере была написана только фамилия – «Рыкова».

Последними – через 2-3 дня после ареста матери – ушли из квартиры №18 Наталья Алексеевна и жившая с семьей Рыковых Гликерия Флегонтовна Родюкова. Её мать, Алена Ивановна Родюкова, до революции в Нарыме держала столовку для большевиков-политссыльных, которые объединялись в коммуны. Среди них были и Рыковы. Гликерия Флегонтовна после освобождения Сибири приехала в Москву и прожила с Рыковыми 14 лет. Последнее время жизни в Москве она работала медсестрой в Кремлевской больнице.

После ареста матери Наталья Алексеевна сама попросила коменданта предоставить ей помещение поменьше, и они с Гликерией Флегонтовной были переселены на 5-й этаж 24-го подъезда, в комнату, выходящую окнами на улицу и балконом на кинотеатр «Ударник». Ещё одну комнату, окнами во двор, занимали женщина с двумя детьми, муж которой был арестован. К ней приходила её мать. Третья комната – окнами на улицу – была опечатана.

Из квартиры №18 ушли, все оставив, взяли с собой совсем немного. Наталья Алексеевна сама разбила гипсовый бюст Алексея Ивановича. После их ухода, по словам Надежды Осинской (семью Осинских переселили в освободившуюся квартиру, также из Кремля), на полированном столе стоял чайник с надписью «Алексею Ивановичу Рыкову от рабочих»; кабинет А.И. был опечатан. Семья Осинских недолго жила в 18-й квартире после Рыковых. В 1950-х годах Дина Осинская отдала Наталье Алексеевне две шкатулки кавказской работы, принадлежавшие семье Рыковых.

Из записей на листке календаря от сентября 2002 года

Когда уходила из квартиры №18, вилки и ножи с надписью «А.И. Рыков», два набора, бросила в мусоропровод. После 1956 г. невестка Осинских рассказывала, что на полированном столе стоял чайник с надписью «А.И. Рыкову от рабочих...». Наталья Алексеевна помнит, что чайник был эмалированный, с сиренью и незабудками.

Из рассказов Натальи Алексеевны (до 1994 года):

До конца 1936 года Н.А. преподавала в Высшей пограничной школе. Когда началась травля её отца в печати, её уволили, и получить где-либо работу она не могла, несмотря на все просьбы и заявления. Однажды осенью 1937 года пришел мужчина, сказал, что он от тех, кому она писала, предложил работу в колонии для малолетних преступников. Уговаривал поехать в Симферополь. Наталья Алексеевна выбрала Томск, где до революции сидел в тюрьме и был в ссылке отец и где она надеялась в будущем, может быть, повстречаться с матерью.

После отъезда Натальи Алексеевны в Томск 27 сентября 1937 года Гликерии Флегонтовне предложили переехать из дома в общежитие. Она не согласилась и уехала на родину в Нарым, там у неё был дом. Потом, когда Наталья Алексеевна реабилитированная, получила квартиру, Гликерия Флегонтовна приезжала к ней, остаться не захотела и уехала обратно. Наталья Алексеевна ездила к ней в гости году в 1972-м или 1973-м, когда вышла на пенсию.

Из записей на листке календаря от сентября 2002 года

Арестовали 2 марта 1938 г. – в день начала процесса над отцом. Полтора года – по тюрьмам. Сначала из Москвы отправили в административную ссылку в трудколонию (беспризорники). Жила у парикмахера. В болезнь её переселили, там в квартире была учительница-стукачка, к ней и переселили. Наталья Алексеевна узнала о её стукачестве из потерянной ею тетрадки.

Запись 12. 07.2002 г.

В 1937 г., после ареста Нины Семеновны, Наталья Алексеевна переехала в 24-й подъезд. Была уволена из военной школы, где она преподавала

русский язык и литературу. Для административной ссылки выбрала Томск (там до революции сидел в тюрьме Алексей Иванович). Отправили в школу для детей-беспризорников, там будет работать в канцелярии 3 года, только потом можно будет преподавать.

В начале марта 1938 года арестовали в Томске и посадили в подвал – тюрьму при НКВД. Был сон – слышит голос с другой стороны двери: – «Наташа, сегодня твоего отца расстреля-ли-ют?», – она знала. В тюрьме ничего не подписывала. Потом перевели в Центральную тюрьму Томска, где когда-то сидел Алексей Иванович. Там вызвали их – двух женщин. Наташа мыла пол. Потом повели на прогулку, – это окружность, огражденная сосновыми кольями метров 10 высотой. С двумя женщинами гуляет мужик. Потом всех привели в камеру. Это гермафродит. Всю ночь проговорили.

В октябре вызвали с вещами. Много мужиков, кричали, чуть ли не плевались, – Наталья Алексеевна была совершенно спокойна. Потом в машину село много вооруженных людей и она одна. Подвезли к лесу. С чемоданом, бегом по этому лесу. Упала где-то – под ней рельсы. Привели к столыпинскому вагону, стоял на запасных путях. Посадили за решётку в первый отсек. Одеялом загородили коридор, – кого-то, очевидно из важных персон, избитого ввели. Она по трубе стучала каблучком – безответно. Через несколько дней – железкой поскребли. Смысл – «не хочу говорить». Думала, что это был Эйхе. За окном – жёлтые деревья.

Нет, это уже от Новосибирска. Там она требовала бани. «В Москве? – там жены, сейчас их расстреляют», – а она о бане. Где-то в Новосибирске или Буг(уруслане?) мылась холодной водой. Молочницы ей перед Москвой? перед Новосибирском?: «Куда ж они тебя везут?». В Новосибирске в тюрьму везли на трамвае. Там встретила соседку по Томску, которая донесла, что она «хорошо говорила о своих родителях». В Москве поместили во внутреннюю тюрьму Лубянки.

Когда вызывали к начальству? Наверно, тогда же, осенью, потому что говорила о Берии – но не уверена, его не знала. В нижнем этаже Пугачевской башни Бутырки ждала этапа.

Потом будет Котласская пересылка, встреча с Абрамом Беленьким, с Айно Куусинен, с Александрой Азарьевной Андреевой.

Из рассказов 1991 – 1993 гг.

1 марта 1938 года Наталья Алексеевна была арестована в Томске, до осени просидела в двух томских тюрьмах (во второй отец сидел при царе), оттуда привезена в Москву во внутреннюю тюрьму на Лубянке, затем переведена в спецкорпус Бутырской тюрьмы, затем снова во внутреннюю Лубянскую тюрьму. Это время, когда Берия становится на место Ежова.

Из записей на листке календаря от сентября 2002 года

На Котласской пересылке должны были сажать на баржу. В ожидании посадки на баржу все должны сидеть. Сидим, ждем, наше дело – ждать. Видим – спускается несколько солдат с очень нарядно одетой женщиной, несут её вещи – заграничные кофры. Это была Айно Андреевна Куусинен (она была советской разведчицей. – Т.Ш.), её взяли за границу. В трюме из Котласа ехало несколько сот человек. Сначала А. Куусинен направили в Котласе (м.б., в Новом Бору?) на лесоповал, потом отправили на Воркуту. В войну таких, как она и Наталья Алексеевна, не оставляли на лесоповале, сенокосах, т.к. там постоянной охраны не было. В дальнейшем – наверно, уже на Воркуте – видели, как она вышла за зону и исчезла. (А. Куусинен вернулась в дальнейшем в Финляндию, написала книгу. – Т.Ш.)

Рассказ 10 июля 2004 года (в моём изложении – Т.Ш.):

После Котласской пересылки Наталья Алексеевна попала на Печору в совхоз «Новый Бор». Очевидно, по Северной Двине пароходом из Котласа в Архангельск, оттуда морем до Печоры и Нарьян-Мара, из него по Печоре в Новый Бор. Из разговора с Н.А. по телефону 27.07.04: Из Архангельска в Нарьян-Мар везли в трюме лесовоза, было 8 рядов нар, женщины были наверху. В Нарьян-Маре пересели на баржу, в верхнюю надстройку – сарай. Высадили в Новом Бору, там посидели до утра на берегу, а утром на большой лодке – эллинке – повезли вверх по притоку Печоры в Харьягу.

Ещё в московской тюрьме Наталья Алексеевна встретила с Евгенией Михайловной Цветаевой, женой Андрея Цветаева, старшего, сводного брата Марины и Анастасии Цветаевых. В Новый Бор Наталья Алексеевна и Евгения Михайловна приехали вместе. Евгения Михайловна была биологом, агрономом, селекционером... Она получала семена из Москвы, из Академии наук, у нее был опытный участок, где эти семена высевались. Высевали ячмень, как помнит Наталья Алексеевна. И Евгения Михайловна взяла Наташу работать у себя. Третьей с ними работала Наталья Дмитриевна Коркмасова, которая в дальнейшем, став вольной, была положена в Воркутинскую больницу с онкологией и умерла – не на руках, а на плече Натальи Алексеевны – та пришла навестить её в больницу, и Наталья Дмитриевна сидела, прислонившись к Наталье Алексеевне.

Харьяга – одна из 7 командировок совхоза Новый Бор в 200 км от Нарьян-Мара.

В Новый Бор пришла ей первая посылка от тети Лены (Елены Семеновны, сестры матери Натальи Алексеевны, Нины Семеновны). В посылке была колбаса, еще какие-то продукты и алюминиевый чайник. Вечером дежурная по бараку (или староста, бытовичка) позвала Наташу: «Тебя хотят видеть». Вышла – стоят два здоровый парня. (А в Новом Бору было много судимых по статье 59-3 – это убийство). Пришли к ней в барак, как потом она узнала, Георгий Уваров(?) и Степан Заика. Жора

из Петергофа. Здоровый, в драке стукнул – и убил человека наповал, за то сидел. В дальнейшем они с Натальей Алексеевной подружились.

А сейчас – стоят эти два гиганта перед ней, маленькой и худой девочкой. Говорят:

– Мы слышали, ты посылку получила?

– Получила.

– Чайник в ней есть алюминиевый?

– Да.

– Нам он нужен, отдай нам.

– Мне он тоже нужен. А вам зачем? Если вам алюминий нужен – так ведь ложки на кухне алюминиевые...

Они расхохотались и ушли. Наталья Алексеевна думает – они пришли посмотреть, как она себя вести будет, испугается ли. Потом она подружилась с Жорой. Он ухаживал за её подружкой Леной, КВЖДинкой.

Из записей на листке календаря от сентября 2002 года

До войны Наталья Алексеевна была в совхозе Новый Бор. Была на сельскохозяйственных, земляных работах. В доярки её не брали – руки плохие. А брали на сенокос, на заготовление кормов. Совхоз на Печоре. Летом покосы, никакой охраны, жили за 15-20 км от лагеря в шалашах, землянках. Если хорошая погода – сушили сено, метали стога – до 4 м высотой. Наталью Алексеевну на двух вилах поднимали наверх. Вилы двойные с длинными черенками. – «Наташа, упрись», – и два мужика поднимали её наверх. Назывался стог – «зарод». Не круглый стог, как в России. Потом нужно было наверх ветки забросить, чтоб ветром не испортило. Бригадир, раскулаченный, говорил: «Московские бабы – их хоть в контору, хоть куда – польза будет».

Из Нового Бора – как в Сибири – скот вывозили на лето на острова. По последнему льду перегоняли на всё лето, до следующего ледостоя. За молоком ездили на лодках. На остров шли даже вброд. Там коровы, жил с женой один человек – сторож, из раскулаченных. У них большая изба, во второй половине жили приехавшие заключенные. По очереди дежурили, варили еду. Обычно оставляли Наташу. Нужна была большая посуда – шла к деду. Дома старуха: – «Сядь на скамейку, сам придёт – тогда даст». (А дед потихоньку торговал водкой). В избе – две скамьи, иконы, длинный стол, на нём – книга. Книга церковно-славянская. Дед придёт: – «Чтишь? Чти вслух». А потом: – «Соображаешь». – «Училась». – «Где училась?» – «В институте». Стал относиться снисходительнее, давал посуду, картошки.

Было много гнуса, комаров. От них – накомарники, сетка из конского волоса. Перед шалашом бросали в огонь ветки, сено – для дыма. Иногда мазали руки дегтем, если деготь был.

В Новом Бору было несколько командировок.

В войну сразу Воркута не приняла. Довезли до Усть-Усы, на последнюю железнодорожную станцию привезли, и повезли обратно в Новый Бор следующим парходом. Везли человек 8-12, среди них был агроном Евгения Михайловна Цветаева, англичанин...

Из рассказов 1991-1993 гг.

Летом 1941 года находилась в Воркуто-Печорском лагере (нижнее течение Печоры, Харьяга – там теперь добывают нефть). Заготовливали сено для скота, был молокозавод для шахтеров Воркуты. Пришли на обед с работы из овощехранилища, во время обеда услышали речь Молотова. Через месяц радио отключили. А у спецпереселенцев были и радио и газеты. Стали включать радио приблизительно в 1944 году. В 1941 году «особо опасных» отправили на Воркуту, на особо строгий режим.

Рассказ 10 июля 2004 года (в изложении Т.Ш.)

В 1-й год войны её увезли из Нового Бора в Воркуту, но не довезли, вернули обратно. В 1941 году их везли человек пять, Цветаеву в том числе (Коркмасова и следующий год осталась в Новом Бору, на Воркуту она попала, уже отсидев свой срок). Утром, в день их отправки, все заключённые стоят перед воротами, и никто не идет на работу. Пришел к ней человек из учраспреда (учетно-распределительного отдела): – «Наташа, выйди, а то они на работу не идут». Оказывается, прошел слух, что Наташу ведут (везут) на расстрел. И заключенные требовали, чтоб им дали с ней попрощаться. Вышла, попрощалась со всеми за руку. Тогда они пошли на работу.

В 1942 году, когда открылась навигация, их опять повезли на Воркуту. Везли в этот раз много народа, в том числе бытовиков. Ехал и Жора, и другие, осужденные по статье 59-3. Наташа только стала спускаться по трапу в трюм баржи – у неё тут же из обеих рук забрали вещи (вернули при высадке, в дороге она их не видела, но если было что надо, она говорила Жоре, и он приносил). Жорина компания устроилась в центре баржи под иллюминатором, только там было светло. Днём Наташа была с ними. Они её «опекали», но за это она должна была не переставая рассказывать им содержание всех книг, что помнила. А на ночь уходила к женщинам в носовую часть баржи.

Летом 1942 года группу заключенных, в которую попала и Наталья Алексеевна, высадили в Лёк-Воркуте. Это была страшная командировка.

Жора сразу попал в Воркуту. Потом женился на простой женщине, тоже Лене. Наталья Алексеевна как-то была у них, но только один раз, – Вальтер Густавович был против этого знакомства.

Из записей на листке календаря от сентября 2002 года

На Воркуте нарядчик Гусев уводил её на другую командировку – якобы по поручению начальства. Там она впервые увидела немцев-переселенцев. Их «воспитателем» был Петр Петрович Шеремет. Он сидел по бытовой статье, ещё в Новом Бору освобожден. А здесь попросил Гусева: «Приведи Наташу, я её хоть откормлю». Это уже на самой Воркуте. Немцы там были за колючей проволокой как заключенные, в зоне. Начальником был Шеремет.

Из записей на листке календаря от сентября 2002 года

Первая операция была на Воркуте 9 мая 1945 года. 10-го Наталью не могли разбудить. Лена, ее подруга, била ее по физиономии. Меньше чем через год была вторая операция. Вальтера Густавовича (*Перли, будущий муж*) встретила в это время. Работала сестрой по питанию у Елизаветы Ивановны Нетушил (*см. воспоминания Натальи Алексеевны в книге о Воркуте. – Т.Ш.*). Вошла в стационар – новый статистик санчасти, числится в этом стационаре больным.

Каплер на Воркуте жил свободно, приходил к Наталье Алексеевне и Гронскому (*у Натальи Алексеевны есть фотография – она с котом; снимал Каплер. – Т.Ш.*).

Кот играл с Вальтером Густавовичем в прятки. Наталья Алексеевна – сестра-хозяйка в терапевтическом отделении, он (*кот*) там под чехлами мебели прятался. Кот ловил крыс на кухне. Работавшие там китайцы каждый день давали Наталье Алексеевне для кота котлету. Она сначала отказывалась брать. Пришла как-то вечером для разговора. Дядя Вася (*китаец*) ей говорит: – «Садись, смотри». Входит кот, её не замечает. Сел у окна каптерки, исчез, обратно явился с крысой. Положил на печку. Там вскоре лежало несколько крыс. – «Видал? – Видал. – Так и будет котлета каждый день».

Вальтера Густавовича отправили в Красноярскую ссылку. Наталью Алексеевну ещё раньше – в Казахстан. В милиции Воркуты: «Поедете потеплее». Когда уходила – кот орал. Вальтер Густавович мог проводить её по двору больницы, он ещё был заключенный. А кот сидел на форточке и орал.

Запись весны 2000 г.

Март 1953 года. Вальтер Густавович пришёл с работы, снял шапку, входя (*у него рост под 2 метра, а дверь в избе низкая*):

– Вы тут сидите и ничего не знаете...

– Сталин сдох?! – это Елена Семеновна, всегда очень корректно выражавшаяся.

– Нет ещё, но скоро.

Из рассказов 1991-1993 гг.

Мамина сестра Елена Семеновна была выслана из Москвы, поехала на Северный Кавказ, к Наталье Алексеевне. Наталья Алексеевна получила из Москвы копию диплома и учебники от подруг, работала учительницей одну зиму. Затем, когда мужа Натальи Алексеевны Вальтера Густавовича Перли отправили в ссылку (друг о друге они узнавали через Воркутинскую больницу, в ней когда-то и познакомились), написала заявление с просьбой соединить семью и из Казахстана отправилась с теткой в Сибирь.

Из рассказов 3 мая 1990 г.

В 1954 году Наталья Алексеевна – ссыльная – приехала из Сибири в Москву, встречали ее Бира (приёмная дочь Лепешинских, они удочерили ее двухлетней во время голода в Поволжье) и Коля Ревельский – друзья и одноклассники.

(Наталья Алексеевна училась сначала в 5-й школе на Знаменке, из Кремля шли в школу по Воздвиженке и дальше Крестовоздвиженским переулком. После 5-го класса училась в МОПШКе – Московской опытно-показательной школе им. П.Н. Лепешинского во 2-м Обыденском переулке. Училась с Ниной Подвойской, Богдановым, Петей Ворошиловым. Также её одноклассницей была Катя Школьник – «девочка-американка». По воспоминаниям Натальи Алексеевны, в семье Лепешинских у всех были уменьшительные имена. Так, Пантелеймон Николаевич – он умер в 1944 году – звался Пантейчиком, его жена Ольга Борисовна – Мусей, приемный сын их дочери Володя, Владимир Владимирович, – Владимиркой).

Поехали к Бире (улица Серафимовича, 2, квартира 20). В то время семья Лепешинских жила на даче в Луцине под Звенигородом, – на одной даче жили, другую снимали у Вышинских для опытов Ольги Борисовны. С Ольгой Борисовной работали В.Г. Крюков, муж ее дочери Ольги Пантелеймоновны, и Коля Ревельский (потом он работал фотографом в АН). Его жена Зина – микрофотограф. Какое-то время Наталья Алексеевна прожила у Биры. Когда она спускалась от Лепешинских вниз и проходила мимо вахтеров, – видела, что они сидят на стульях, в 1936 году привезённых Рыковым из Кремля. Умыкнули их из дома и портрет Ленина работы Андреева с надписью. Бухарин считал, что это самый правдивый из всех ленинских портретов.

Ольга Борисовна была приглашена на прием в Посольство ГДР 7 ноября – у Натальи Алексеевны сохранился пригласительный билет. Сидела между Ворошиловым и Маленковым. По словам присутствовавшего там Льва Гинзбурга (переводчика, двоюродного брата Коли Ревельского), он весь вечер наблюдал, как три их головы нагибались, они шептались о чем-то. О.Б, вернулась с криком: «Наталка, теперь ты будешь свободна!». Вот их разговор в её передаче.

О.Б.: – У меня живёт дочь Рыкова...

В. М.: – Молодец! Ты молодец! Мы так перед ней виноваты!

В.: – Пусть она завтра придёт ко мне.

На другой день О.Б. звонит секретарю Ворошилова Хмельницкому и сообщает, что вчера договорились о приходе к Ворошилову дочери Рыкова. Хмельницкий отвечает, что она ошиблась, что Климент Ефремович не мог так сказать...

Н.А. приезжала в Москву несколько раз. По словам О.П. Лепешинской, «маме намекали». В один из приездов они с мужем утром уходили от друзей с чемоданом, чтоб вечером идти ночевать в другом месте.

Муж – Вальтер Густавович Перли. Умер в 1961 году. Его дочь от первого брака живет в Америке.

У Ольги Пантелеймоновны и ее мужа Владимира Гавриловича Крюкова своих детей не было. Они усыновили-удочерили около 10 ребятишек. Ольга Пантелеймоновна все мечтала обнаружить среди них «Ундиночку». Дети жили на даче летом совершенно заброшенные, грязные...

После смерти Ольги Борисовны Ольга Пантелеймоновна и ее дети лишали Бибисару Пантелеймоновну наследства, судились, основываясь на том, что она питалась отдельно. Был сначала «суд чести» в Доме на набережной. Там Нина Подвойская обратилась к О.П. Лепешинской со словами:

– Я, как дочь своих родителей, обращаюсь к Вам, как к дочери Ваших родителей...

Вера Яковлевна Свердлова – подруга Натальи Алексеевны с далекого детства, когда в 1918 году Я.М. Свердлов позвал Алексея Ивановича переехать с семьей – Наташе было 2 года – в его квартиру в отапливаемом Кремле. Наталья Алексеевна рассказывала, как в день их с Вальтером Густавовичем вселения в комнату на Ломоносовском проспекте приехала Вера на грузовике с мебелью – привезла им свою мебель. И она же – смотрит телевизор, показывают космонавтов на фоне церкви – возмущается, что показывают церковь.

Из рассказов 3 мая 1990 г.

Наталья Алексеевна не знает даты рождения отца. 30 марта – именины Алексея. В этот день у неё собираются друзья и родственники.

Запись на листке, где приводятся данные журнала «Театр»

После возвращения в Москву Наталье Алексеевне было трудно устроиться на работу. На Московской партконференции тогдашний заместитель Генерального прокурора СССР просил за неё – отозвался директор Гослитиздата. Он распорядился принять ее на должность редактора – и умер в командировке. Её взяли корректором. Потом работала в издательском отделе академического института. Затем главный редактор журнала «Народы Азии и Африки» известный востоковед профессор И.С. Брагинский пригласил ее в свой журнал.

Когда Наталья Алексеевна работала в Гослитиздате, готовилось собрание сочинений Горького, Наталья Алексеевна держала в руках верстку писем Горького к Алексею Ивановичу Рыкову. Из Собрания они выпали.

Журнал «Театр», № 7, июль 1988 года, с. 156-165. – Сергей Пархоменко «Причина смерти наркома Рыкова».

Из журнала «Огонек», №№ 3, 4, 1997г. и комментариев Н.А. Перли-Рыковой:

Есть фотография бабушки Натальи Алексеевны со стороны матери. Ее фамилия была Тарнопольская. У Сюни Тарнопольского (дяди Нины Семеновны Рыковой-Маршак) от первой жены была правнучка Лена – это актриса Елена Проклова. С самого детства с ней занималась вторая жена Сюни – Виктория Францевна, актриса, которая еще недавно была жива, жила в доме престарелых, и Маршаки ездили к ней на её 100-летие.

В 1920-е гг. у В.Ф. Тарнопольской собиралась молодежь. Ее родственница Матильда – Тиля – вышла замуж за бывшего в доме Виктории Францевны Ваню Лебедева. А сестра Вани Эля – Елена Степановна – тут же, в доме Виктории Францевны, на улице Грановского, познакомилась и в дальнейшем вышла замуж за Вильяма Генриховича Фишера. Его отец задолго до революции эмигрировал из России в Англию, там в 1903 году родился Вилли. В 1920-х гг. Фишеры вернулись в Россию. Ещё раньше Фишеры были знакомы с Лениным.

У Вилли были друзья – Рудольф Абель и Вилли Мартенс. Отец последнего Людвиг Мартенс вместе с Лениным основал в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», написал технический справочник... Вилли работал в советской разведке. При аресте в 1950-е (?) гг. Вилли Фишер назвался Рудольфом Абелем (того уже не было в живых).